

© 2020. О.А. Богданова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

**Рецензия на книгу Г.Б. Пономаревой
«Достоевский: Я занимаюсь этой тайной».
Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский Миръ, 2018. 448 с.**

© 2020. Olga A. Bogdanova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Ponomareva G.B.
“Dostoevsky: I Am Working on This Mystery”.
2nd ed. Moscow, Russian World Publ., 2018. 448 p. Review.**

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел русской литературы конца XIX – начала XX в., Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Благодарности: Работа выполнена в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РФФИ № 18-012-90027 («Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX – первой трети XX в.: критика, публицистика, эго-документы, научный дискурс»).

Аннотация: В рецензии рассмотрены основные темы последней книги многолетней заведующей музеем-квартирой Ф.М. Достоевского в Москве Г.Б. Пономаревой. Особо выделены части, посвященные московскому детству писателя и «идею Москвы» в его творчестве.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Г.Б. Пономарева, биография, детство, духовный путь, Москва – Третий Рим, иллюстрации, Ю.И. Пименов, В.Д. Линицкий.

Для цитирования: Богданова О.А. Рецензия на книгу Г.Б. Пономаревой «Достоевский: Я занимаюсь этой тайной» (М., 2018) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). С. 260–270. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-260-270>

Information about the author: Olga A. Bogdanova, D.Sc. in Philology, Leading Researcher, Department of Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Century, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st., 25A, 121069, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-012-90027.

Abstract: This review considers the principal subjects in the latest work by Galina Ponomareva, Director of the Dostoevsky Apartment Museum in Moscow. The review's particular focus is on the sections concerning Dostoevsky's Moscow childhood and the "idea of Moscow" in his works.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Galina Ponomareva, biography, childhood, spiritual path, Moscow Third Rome, illustrations, Yuri Pimenov, Vitaly Linitzky.

For citation: Bogdanova, O.A. "Ponomareva G.B. *Dostoevsky: I Am Working on This Mystery*. Review". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (12), 2020, pp. 260-270. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2020-4-260-270>

Перед нами необычная книга о Достоевском¹. Написанная одним автором, она многомерна и многосоставна, а ее жанровый диапазон вмещает далеко отстоящие друг от друга сферы гуманитарной деятельности – это и беллетризованная научно-популярная биография писателя (часть 1), и концептуализованный очерк творчества (части 2–4), и строгое литературоведческое исследование (часть 5), и историко-философское эссе (часть 6, раздел 1), и краеведческие историко-фактографические очерки (часть 6, разделы 2–6), и музеологические заметки (часть 6, раздел 8), и искусствоведческие этюды (часть 7), и даже – богословские опыты (часть 6, раздел 7). Однако есть во всем этом спектре общий

¹ Первое издание книги, вышедшее в 2016 г., удостоено Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» (специальная премия «Творцы»). Издание 2018 года приурочено к 200-летию Ф.М. Достоевского.

знаменатель – личность самого писателя, Федора Михайловича Достоевского, сосредоточенная на разгадывании «тайны» человека, о чем, как известно, сам он заявил еще в юности. Уже во вступлении «От автора» в начале своей монографии Г.Б. Пономарева вносит в эту писательскую интенцию важное концептуальное уточнение: речь пойдет не просто о «тайне» человека в понимании Достоевского, но о духовных судьбах человека Нового времени, о «трагедии человека с утрачиваемой верой» в Бога. И здесь же – интерактивный жест по отношению к читателю, призыв проникнуться главной для Достоевского «идеей преобразования человека». Более того, само приобщение к миру его произведений должно стать, по мысли исследовательницы, «испытанием» и катализатором духовного роста [см.: Пономарева, 2016, с. 5].

Поэтому не случайно в центре исследования Г.Б. Пономаревой оказывается именно духовная личность писателя, перипетии и этапы его духовного пути, сердцевина которого – отношение к религии, христианству, православию. Он рассматривается последовательно, в единстве биографических и творческих фактов, чему посвящены 1–4 части монографии. В 5-й и 6-й частях крупным планом берутся главные, по мнению автора, духовные узлы жизни и творчества Достоевского: замысел «Жития великого грешника» и «идея Москвы». 7-я часть посвящена интермедiallyному осмыслению его вершинного произведения – романа «Братья Карамазовы» – одновременно литературоведческими и искусствоведческими средствами.

Благодаря столь широкому проблемно-тематическому диапазону и разнообразию подходов книга Г.Б. Пономаревой приобретает универсальный характер, сочетая в себе популярность и доступность, просветительный пафос и научно-методологический поиск.

Особенность книги также и в том, что написана она счастливым человеком – каждая строка пронизана здесь причастностью к миру любимого писателя. Для Г.Б. Пономаревой это не предмет отвлеченного исследования, не объект изучения, а кровное, жизненное дело, в котором она находит смысл своего существования. Поэтому книга дышит экзистенциальной подлинностью, она глубоко личностна, субъективна в хорошем смысле слова, при всей своей фактологической достоверности и научной оснастке. Это не монолог ученого с заранее заданными установками и подходами к своему предмету, а вдумчивый диалог с Достоевским, в котором автор монографии больше слушает, чем говорит сама. Недаром ее книга дает неогра-

ниченный простор цитатам из произведений и писем писателя, мемуарных свидетельств о нем.

Рассмотрим каждую из обозначенных сфер книги Г.Б. Пономаревой в отдельности. 1-я часть издания озаглавлена словами самого писателя: «Главный вопрос – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь» – и вводит нас в его духовный и интеллектуальный мир под знаком сомнения в «существовании Божиим». Несмотря на очевидный пропедевтический характер этой части (что закономерно для автора рецензируемой монографии как опытного музейного работника и многолетнего заведующего музеем-квартирой Ф.М. Достоевского в Москве, часто имеющего дело с заинтересованными дилетантами), здесь нет упрощения и лагун при изложении духовной биографии писателя. Обозначены ее основные вехи: «раннее христианство» как плод жизненного уклада родительской семьи [Пономарева, 2016, с. 8], «романтическая» фаза «религиозного роста» в период учения в Главном инженерном училище в Петербурге [Пономарева, 2016, с. 9], искушение атеизмом В.Г. Белинского и социальным утопизмом в кружке М.В. Петрашевского в пору вступления в литературную жизнь северной столицы России (1845–1849 гг.), эшафот и каторга как внутренняя «борьба и суд над собой» в свете Евангелия, но отнюдь не «механическая смена убеждений» [Пономарева, 2016, с. 15-16], формирование идеологии «почвенничества» в Петербурге начала 1860-х гг. и постепенное углубление взгляда на русский народ как на церковь, общение с В.С. Соловьевым и совместная поездка в Оптину пустынь летом 1878 г., глубокое покаяние, отмеченное старцем Амвросием, и сопутствующая ему поразительная духовная высота, взятая в «Братьях Карамазовых». Принцип подачи материала в первой части (да и во всех последующих) – неразрывность биографии и творчества, параллелизм ранних жизненных впечатлений писателя (например, чтения Книги Иова) и поздних произведений (соответствующих слов старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»). «Человек и писатель, духовная и художническая личность в Достоевском конгениальны» – таков основной тезис автора монографии [Пономарева, 2016, с. 25]. Две главные ее характеристики, по мнению Г.Б. Пономаревой, – апокалипсичность и раздвоенность.

Динамика духовно-творческого возрастания Достоевского подробно прочерчена во 2–4 частях монографии – «Самостояние человека» (в единстве анализа жизненных впечатлений и худо-

жественных произведений, созданных в Петербурге 1840-х гг.), «Свобода, бесчиние, муравейник» (о периоде «перерождения убеждений» между выходом из каторги до эманации «нового слова» в «Записках из подполья», локализованном в Сибири, Твери и Петербурге, а также в Западной Европе), «К высшему синтезу жизни» (рассказ о времени создания «великого пятикнижия» Достоевского с преимущественным вниманием к онтолого-антропологическим открытиям в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых»). В этих частях наличествует богатый документально-иллюстративный материал – многочисленные фотографии самого писателя и его окружения, сопровождавших его в эти годы жизненных реалий (пейзажей, зданий, интерьеров), текста первых журнальных и книжных публикаций, рукописных вариантов и писем, репродукции картин художников-современников и проч. Эссеистичность изложения – произведения Достоевского трактуются преимущественно с позиций автора монографии, без обращения к другим мнениям и без доказательств собственной правоты – диктует практически полное отсутствие истории изучения тех или иных текстов писателя, что обуславливает малочисленность ссылок и примечаний. Единственное исключение – анализ романа «Братья Карамазовы», осложненный подробной полемикой с книгой В.Е. Ветловской «Поэтика романа “Братья Карамазовы”» (первое изд. – Л.: Наука, 1977) по вопросу о «житийной ориентации» этого произведения [Пономарева, 2016, с. 437]. Он логически подводит читателя к 5-й, научно-литературоведческой части монографии – «Спектр аналитики».

Вообще композиционно книга построена по принципу нарастания оригинальности и сложности: если в начале даются, как уже говорилось, научно-просветительные и пропедевтические тексты, то кульминационные части – 5-я и 6-я – отличаются самостоятельностью авторской концепции. Основное внимание в «Спектре аналитики» уделено плану Достоевского 1869–1870 гг. «Житие великого грешника» и связанной с ним проблеме «житийности» и биографизма (как проявления эпического качества) при построении образа героя. Рассуждая о структурном соотношении жития и собственно романного начала в синтетическом романе Достоевского, Г.Б. Пономарева по сути выдвигает новую его дефиницию – «роман-испытание», или «роман-житие», как сплав романного (лично-биографического и социально-исторического) и житий-

ного (обобщенно-сотериологического и условно-телеологического) начал. Полемизируя с наиболее авторитетной в этом вопросе работой В.Л. Комаровича «Ненаписанная поэма Достоевского» (1922), она утверждает принципиальное различие жития и эпоса: житийный замысел Достоевского, по мнению исследовательницы, отнюдь не метафора, он непосредственно восходит к традиции древнерусской литературы, и признаки эпического и биографического времени, характерного для европейского и русского романа Нового времени, в частности для «Войны и мира» Л.Н. Толстого, в нем отсутствуют [см.: Пономарева, 2016, с. 252]. Временная перспектива в «Житии...» недробима по существу, «жизнь “великого грешника” должна просматриваться целостно и неделимо, с точки зрения вечности; лишь так постигается ее конечная ценность» [Пономарева, 2016, с. 251]. Г.Б. Пономарева приходит к выводу о том, что «[н]и биографически ограниченное пространство в романах Тургенева и Гончарова, ни эпически обширное пространство “Войны и мира”, где свободное перемещение героев событий также определено биографически и исторически, не свойственно Достоевскому» [Пономарева, 2016, с. 250]. С достаточной убедительностью она обнаруживает «житийный» принцип в построении таких романских образов Достоевского, как Мышкин, Иван Карамазов, Таинственный посетитель. И так, по мысли Г.Б. Пономаревой, роман Достоевского абсорбирует житие как жанр, втягивает его в себя, адаптирует под свои задачи. И в этом нельзя не увидеть осознанное ученичество автора рецензируемой монографии у М.М. Бахтина как создателя концепции «неготового», «становящегося», пластичного жанра романа, жанра-протея.

В качестве замечаний к этой части книги стоит сказать, в первую очередь, об излишнем порой лаконизме автора, вплоть до конспективности. Так, на наш взгляд, желательны были бы пояснения о том, что понимается под обильно употребляемыми терминами «житийность», «биографизм», «эпичность», «идиллия». Не так уж однозначна их семантика в истории и теории литературы, тем более когда речь идет о соотношении этих понятий и полемике с другими исследователями. Кроме того, научно-исследовательской части монографии Г.Б. Пономаревой, как и просветительной, иногда свойствен не слишком подходящий к данному типу дискурса эссеизм: так, например, раздел «Время жизни Обломова и князя Мышкина», вместо анализа проблемы соотношения житийных и идиллических начал в образах персонажей, практически целиком

состоит из ничем не подкрепленных авторских размышлений по теме безотносительно к современному научно-исследовательскому контексту.

Среди безусловных находок части «Спектр аналитики» отметим остроумный аналитический прием-эксперимент в разделе «О хроникере в “Бесах”»: известный текст исповеди Ставрогина в главе «У Тихона» трансформирован Г.Б. Пономаревой так, что вместо первого лица употреблено третье; в результате меняется не только грамматическая, но и смысловая модальность – в «...исповеди мы перестали <...> видеть снятие – в сознании Ставрогина – с переживаемого им всех ценностных значений <...>» [Пономарева, 2016, с. 286], другими словами – текст исповеди в результате этой небольшой синтаксической операции из этически индифферентного (что присуще сознанию Ставрогина) превратился в нарратив с определенной ценностной ориентацией. Так исследовательнице удается наглядно продемонстрировать различие между исповедальностью и хроникальностью, или житийностью и эпичностью.

Лучшей в монографии Г.Б. Пономаревой является, по нашему мнению, 6-я часть под названием «Федор Михайлович Достоевский – сын Москвы». Здесь автор во многом выступает как первопроходец, продолжая и расширяя в историософском ключе разыскания И.Л. Волгина [см.: Волгин, 1991] и Г.А. Федорова [см.: Федоров, 2004]. В концептуальном отношении особенно интересны первые два раздела – «Провиденциальная идея Москвы у Достоевского (к истокам национальной идеи)» и «Достоевский и Москва: genius loci». В первом из них уточнено представление о национальной идее писателя – это Москва как Третий Рим – и прослежены этапы ее освоения в его жизни и становления в творчестве. Определяющую роль здесь сыграло, по мысли Г.Б. Пономаревой, московское детство Достоевского: архитектура Кремля, православное богослужение, Иверская икона Божией Матери, благоговейная атмосфера Троице-Сергиевой лавры, раннее знакомство с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина. Само устройство и внутреннее убранство Успенского собора Московского Кремля «наглядно связывало с идеей Москвы – Третьего Рима» [Пономарева, 2016, с. 295], которой будущий писатель проникался пока безотчетно. Также приведены многочисленные высказывания автора «Братьев Карамазовых» о роли Москвы в истории отечества, о бессознательной идее русского народа как сердечном «знании Христа», о право-

славно-христианской миссии России по спасению мира. Особенно показательны строки из писем к А.Н. Майкову: «...разделяю с Вами идею, что Европу и назначение ее *окончит Россия!*» [Достоевский, 1972–1990, т. 28¹, с. 208]²; и позже, в размышлениях о ее судьбе после взятия турками Константинополя в 1453 г.: «<...> в русском царстве последняя из Палеологов является с двуглавым орлом вместо приданого; русская свадьба, князь Иван III в своей деревянной избе вместо дворца, и в эту деревянную избу переходит и великая идея о всеправославном значении России, и полагается первый камень о будущем главенстве на Востоке, расширяется круг русской будущности, полагается мысль не только великого государства, но и целого нового мира, которому суждено обновить христианство всеславянской православной идеей и внести в человечество новую мысль...» [Достоевский, 1972–1990, т. 29¹, с. 40]. И, наконец, прямое свидетельство – в записи о книге Ю.Ф. Самарина «Окраины России»: «Высший смысл этой книги совпадает с древним пониманием народа о своем значении. 3-й Рим – Москва, а 4-го не будет» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 181]. Таким образом, убедительно доказывается, что русская идея Достоевского тесно связана с национальной идеей Москвы как Третьего Рима, в свете чего дополнительное значение приобретают московские реалии его жизни и творчества, к рассмотрению которых Г.Б. Пономарева переходит в следующих разделах 6-й части. Попутно, в завершение разговора о русской – московской – идее Достоевского, хочется выразить сожаление: развернуто сопоставленная в рецензируемой книге с раннеславянофильской концепцией, она ни словом не встроена в последующий ряд «русских идей» – В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и др. А ведь такая перспектива, на наш взгляд, чревата обнаружением еще нераскрытых смыслов в историософии Достоевского!

В последующих разделах 6-й части Г.Б. Пономарева вводит понятие «кода Москвы», наличие которого прослеживает в большинстве произведений Достоевского, даже не связанных с Москвой сюжетно. Это не обязательно прямое упоминание древней русской столицы или перенесение в нее места действия – прежде всего это просвечивание сквозь ткань повествования мессианской идеи Москвы не только как Третьего Рима, но и как Небесного Иерусалима. Насыщенные деталями, вещной фактурой артефактов (книги в ста-

² Курсив Ф.М. Достоевского.

ринных переплетах, иконы в традиционных окладах, фотографии на пожелтевшей бумаге), оживающие под пером автора монографии картины детства Достоевского неизменно телеологичны – как вехи на пути формирования у него национальной идеи.

Спектр возможных ранних московских впечатлений будущего писателя расширяется и благодаря пристальному исследованию окружения семьи Достоевских – особенно важна в этом смысле фигура двоюродного деда со стороны матери В.М. Котельницкого, непосредственно знакомого с Ф.П. Гаазом. Получается, что Федор мог лично видеть легендарного врача-альтруиста еще в годы своего взросления в Москве. Как обычно у Г.Б. Пономаревой, детское впечатление проецируется на поздние художественные образы – профессора Шнейдера в «Идиоте», доктора Герценштубе в «Братьях Карамазовых». Несомненную ценность представляет раздел «Достоевский – сын врача», посвященный отцу писателя и его влиянию на жизнь великого сына. В связи с М.А. Достоевским всесторонне рассмотрен концепт «лучшие люди» в эго-документах и эссеистике писателя. Новый архивный материал, способствующий уяснению контекста формирования личности будущего автора «Бедных людей», введен в научный оборот в разделе «Из ранней истории Московской Мариинской больницы для бедных» – это переписка между вдовствующей императрицей Марией Федоровной и почетным опекуном больницы графом А.И. Мухановым о характере деятельности благотворительного лечебно-клинического учреждения.

Предпоследний раздел 6-й части – «Книга Иова – книга детства Достоевского – в его творческих отражениях» – по сути дела является богословским опытом: отталкиваясь от музейного артефакта – подлинной книги «Сто четыре священные истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений» (СПб., 1815), по которой учился Достоевский вместе с братьями и сестрами, – Г.Б. Пономарева предпринимает сквозное исследование не только прямых упоминаний ветхозаветного персонажа, но и поднятой в этом библейском тексте проблематики (духовной свободы, безвинного страдания, смысла испытаний и искушений, бескорыстной веры, ропота, богоборчества, Божественной справедливости и милости) в «Бедных людях», «Записках из Мертвого дома», «Преступлении и наказании», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых».

В музееологических заметках «Из истории увековечения памяти Ф.М. Достоевского в Москве» впервые в полном и концентрированном виде представлен материал о музеях и памятниках великому писателю в древней столице России, охарактеризована соответствующая деятельность А.Г. Достоевской, Г.И. Чулкова, В.С. Нечаевой, С.Д. Меркурова, Е.М. Достоевской, Н.П. Анциферова, А.И. Рукавишникова.

Завершается монография Г.Б. Пономаревой уникальной художественной «выставкой» – впервые опубликованными портретами самого Достоевского и иллюстрациями к его произведениям выдающихся художников XX столетия Ю.И. Пименова и В.Д. Линицкого. Сопровождающий их текст автора книги комментирует видение обоих мастеров исходя, с одной стороны, из их мировоззренческих позиций, с другой – из принадлежности к той или иной художественной школе. Так, приверженец экспрессионизма Ю.И. Пименов, в целом равнодушный к религиозно-философским вопросам, сосредоточивается на конфигурации линий, нюансах штриховки и игре цветовых пятен. Напротив, «первый религиозный художник в СССР» В.Д. Линицкий прежде всего озабочен «духовной задачей», привлекая для ее решения «иконографические композиции Дионисия» и учение о «сакральном свете» [Пономарева, 2016, с. 399]. Художественную стратегию Линицкого Г.Б. Пономарева определяет как созвучное Достоевскому «проникновение в “миры иные”, создание не просто образов, а мистических проекций образов, или метаобразов» [Пономарева, 2016, с. 400].

Последним подарком автора своим читателям становится приложение к монографии в виде репринтного воспроизведения главы «Божедомка» из редкой книги И.М. Снегирева «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (М., 1873), бывшей в личной библиотеке Достоевского. Обстановка, окружавшая писателя в раннем детстве, подается здесь в красноречивых подробностях.

Очевидно, что столь богатая разнообразным содержанием книга Г.Б. Пономаревой должна найти много заинтересованных читателей.

Список литературы

1. Волгин, 1991 – Волгин И.Л. Родиться в России: Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 605 с.
2. Достоевский, 1972–1990 – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Пономарева, 2016 – Пономарева Г.Б. Достоевский: Я занимаюсь этой тайной. Изд. 2-е. М.: Русский Миръ, 2018. 448 с.
4. Федоров, 2004 – Федоров Г.А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века / вступит. ст. С.Г. Бочарова, В.Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 459 с.

References

1. Volgin, I.L. *Rodit'sia v Rossii: Dostoevskii i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [To Be Born in Russia: Dostoevsky and His Contemporaries: Life in Documents]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 605 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works in 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. Ponomareva, G.B. *Dostoevskii: Ia zanimaius' etoi tainoi* [Dostoevsky: I Am Working on This Mystery], 2nd Ed., Moscow, Russkii Mir Publ., 2016. 448 p. (In Russ.)
4. Fedorov, G.A. *Moskovskii mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoi khudozhestvennoi kul'tury XX veka* [Dostoevsky's Moscow World. From the History of Russian Artistic Culture of the 20th Century], preface by S.G. Bocharov, and V.N. Toporov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004. 459 p.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020; одобрена после рецензирования 18.10.2020; принята к публикации 20.10.2020. Дата публикации: 25.12.2020
The article was submitted 10.08.2020; approved after reviewing 18.10.2020; accepted for publication 20.10.2020. Date of publication: 25.12.2020.